

© 1993 г. КУБРЯКОВА Е.С.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗНАКА

Памяти Р. Якобсона

Не вызывает никакого сомнения, что понятие знака принадлежит к числу фундаментальных понятий лингвистики и что само определение языка как семиотической системы связывает исследование главных свойств языка с той или иной интерпретацией знака. Такой путь анализа был намечен и известной статьей Р. Якобсона [1]. Как подчеркивал Х. Спанг-Хансен в своей работе о теориях знака, "вопрос о природе языковых знаков является... основой (the heart of) дальнейшего вопроса о природе самого языка" [2, с. 14]. Хорошо известно вместе с тем, что в разных знаковых теориях понятие знака трактуется нетождественно и что даже исходные определения знака различаются уже потому, что знак объявляется односторонней, двухсторонней, трехсторонней и еще более сложной сущностью. И хотя истолкование знака менялось не только потому, что ему приписывали разное количество "сторон", усложнение знаковой теории особенно очевидно при сравнении схемы Ф. де Соссюра с разнообразными трехугольниками и схематическими представлениями еще более сложного характера. В этой связи показательна, например, схема знака у Дж. Петёфи [3]. Такое положение дел явно соответствует общей тенденции в развитии наук — постоянному пересмотру исходных, ключевых понятий науки, ее "базисных предположений" (Р. Коллингвуд), притом пересмотру, происходящему не только с целью уточнения понятия, но и для того, чтобы решить вопрос о его применимости и пригодности в новой парадигме знания.

Становление каждой новой научной парадигмы знания надо, по всей видимости, связать не только с признанными всеми научными достижениями, "которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений" [4, с. 11], но и с глубоким критическим переосмыслением того, что входило в область "предпосылочного знания" в соответствующей науке.

Именно в свете возрождаемой ныне герменевтической традиции должны быть осмыслены по-новому и мысли о том, что без истории предмета нет теории предмета, и о том, что достижение нового знания предполагает уяснение границ и пределов незнания, и, наконец, о том, что результаты исследований, полученные на предыдущих этапах развития науки, которые с точки зрения новой парадигмы входят в сферу предпосылочного знания, могут интерпретироваться лишь как "предпонимание" (ср. [5, с. 18—19]). Человеческий опыт, в том числе и научный, приобретает смысл тогда, когда он включается в определенную традицию и оценивается в рамках этой традиции. Все это верно и для лингвистики: с приходом новых парадигм знания мы вынуждены обращаться заново к базисным ее концептам, осмысливать их лишь как фиксировавшие определенные горизонты бытия и сознания и теперь обязательно нуждающиеся в новом их понимании уже оттого, что изменились фон и традиция их рассмотрения. Эти послышки представляются существенными и для того, чтобы вернуться к определению знака у Р. Якобсона и оценить по достоинству его вклад в развитие современных семиотических идей.

Хотя освоению творческого наследия Р. Jakobsona за годы, прошедшие со дня его смерти в июле 1982 г., посвящались неоднократно не только специальные издания, но и целые конференции и симпозиумы (см. [6, с. 1—7; 7]), широкий круг проблем, затронутых в его многочисленных выступлениях и публикациях, делает весьма затруднительным не только представление его научной биографии, но даже выделение главных тем в творчестве этого замечательного ученого. Фонология и поэтика, общее языкознание и нейролингвистика, грамматика и стилистика, анализ детской речи и анализ дискурсивных особенностей текста — во всех этих областях Р. Jakobson сказал свое веское слово, предопределив направление и программы исследований будущего. Быть может, еще не до конца оценены и те его идеи, которые послужат импульсом и для новых направлений в лингвистических и междисциплинарных исследованиях. Но уже сейчас ясно, что влияние Jakobsona на развитие нашей науки было очень велико. Особенно значительным было влияние идей Р. Jakobsona в области междисциплинарных связей. Как справедливо подчеркивает Вяч. Вс. Иванов, задолго до оживления семиотических изысканий во всех крупных центрах мира Р. Jakobson ратует за построение общей науки о знаковых системах, заложенной еще в прошлом веке Пирсом [7, с. 25]. Но, пожалуй, еще более важно то, что блестящие мысли Р. Jakobsona о знаке вообще и языковом знаке в частности позволяют считать его предтечей того формирующегося сегодня конструктивного направления, которое стремится к синтезу и интеграции парадигм научного знания, до сих пор развивавшихся преимущественно в обособлении друг от друга. Речь идет о слиянии и органичном соединении когнитивного подхода, с одной стороны, коммуникативно-функционального, с другой, и, наконец, герменевтического, с третьей.

Творчеству Jakobsona было присуще в удивительной степени чувство нового. Характерное для него умение увидеть в казалось бы разрозненных явлениях нечто единое, почувствовать глубокий параллелизм в строении и организации разных по своему субстрату систем, определить подлинный изоморфизм в тенденциях развития самых разных наук — все это, как кажется, явилось следствием общего семиотического подхода к изучаемым им явлениям. Обнажая путем широких аналогий принципиальную одинаковость главных закономерностей в физике и биологии, литературоведении и социологии, антропологии и искусствоведении, математике и поэтике, психологии и лингвистике, он, несомненно, связывал такое тождество с присутствием в каждой из наук знаковых сущностей и актов семиозиса.

Среди основных тем его разностороннего творчества особенно выделяется тема связи лингвистики с другими науками [8]. Возможно, ни один мыслитель XX в. не сделал так много для включения лингвистических проблем в методологические проблемы общего характера, в общенаучный контекст — все увиденные, все обнаруженные им связи, весь подчеркнутый параллелизм явлений в разных науках представляли в концепции Jakobsona как имеющие семиотическое обоснование. Как подчеркивал Ч. Моррис, "важное значение семиотики как науки кроется в том, что это — определенный шаг вперед в унификации науки, поскольку она закладывает основы любой другой частной науки о знаках — такой, как лингвистика, логика, математика, риторика и (по крайней мере до известной степени) эстетика. Понятие знака может оказаться важным для объяснения социальных, психологических и гуманитарных наук..." [9, с. 38]. В учении Р. Jakobsona о знаке дано глубокое объяснение этой возможности.

Рассуждения о знаке нередко связаны у самого Р. Jakobsona с освоением более ранних традиций. Так, иронизируя над тем, что Ф. де Соссюру "многократно воздавалась хвала за ... изумительную новизну" [1, с. 102], —

новизну интерпретации языкового знака как неразложимого единства означающего и означаемого, он отмечает, что основы такой интерпретации были заложены уже стоиками, а позднее они получили дальнейшее развитие в трудах Августина, терминологию которого любил использовать и сам Якобсон. Можно только пожалеть в связи с этим, что в переводах трудов Якобсона на русский язык термины "signans" и "signatum" заменяются, в соответствии с сосюррианской традицией, на "означающее" и "означаемое", ибо для Якобсона была важна именно историческая перспектива в развитии учения о знаке. "Определение схоластов *aliquid stat pro aliquo*, — пишет он в своей более поздней работе, — остается в силе для любого знака, для каждой из его составных частей" [10, с. 63]. Это определение принимал и К. Бюлер.

Прежде чем перейти к анализу строения знака у Якобсона, хочется указать на то, что определение знака как представителя чего-то вне знака и вместо знака Якобсон относит также к его составным частям. Подобное примечание кажется весьма важным, так как оно, собственно, открывает дорогу интерпретации знака как сущности односторонней: в качестве знака может быть осмыслена фонетическая или графическая сторона знака, его тело (см., например у В.М. Солнцева [11, с. 238—239]) или же, наоборот, его значение (А.Ф. Лосев отмечал: "значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста" [12, с. 125]). И все же, когда мы воспринимаем дым как знак костра или след на песке как знак человека, мы осмысляем эти величины лишь в определенном конвенциональном отношении, восстанавливая либо привычную связь двух явлений, либо прямое указание одного явления на другое. В языковом знаке всё происходит несколько сложнее: хотя план выражения знака и связан "неразрывно" с планом его содержания и хотя асимметрия знака имеет, действительно, место, такая асимметрия обладает своим собственным диапазоном для каждого отдельно взятого знака. К тому же вряд ли можно считать, что две стороны знака полностью рядоположны: утверждая, что тело знака имеет некую форму (звуковую или графическую), мы указываем на нечто, имеющее онтологический статус, однако утверждая, что знак имеет значение, мы не можем приписать значению такой же модус существования, как, скажем, последовательностям *дерево* или же *arbor* [13, с. 15]). Точно так же, исходя из любого конвенционального знака, мы должны прийти к его одному или нескольким, но определенным значениям, но идя от какого-либо концепта, мы приходим к достаточно разнообразным языковым формам (ср. решение кроссвордов). Таким образом, хотя метонимический или синекдохальный принципы и дают возможность считать одну из двух сторон знака знаковой сущностью (ср. *pars pro toto*), понятно, почему концепция знака как односторонней сущности получила меньшее распространение, чем двухсторонняя, которую развивает и Р. Якобсон.

Защищая преимущества подобной трактовки знака, он отмечает вместе с тем, что "структура этого единства только с недавних пор стала предметом систематического исследования, и ученым предстоит еще очень много сделать в этом направлении" [10, с. 42]. Наибольший вклад в проблему строения знака внес, по его мнению, Ч.С. Пирс, которого он считает родоначальником семиотики и про которого пишет: "Если бы работы Пирса не остались большей частью неопубликованными вплоть до тридцатых годов или если бы, по меньшей мере, его опубликованные работы были известны языковедам, они, несомненно, оказали бы ни с чем не сравнимое влияние на развитие лингвистической теории в мировом масштабе" [1, с. 103]. По сути дела, концепция знака, предлагаемая Якобсоном, представляет собой глубокое развитие нескольких положений Ч. Пирса, с той только разницей, что в трудах Якобсона они получают достаточно четкое и конкретное истолкование

и — что особенно для нас важно — лингвистическое осмысление. Показательно поэтому, что изложение своих собственных взглядов Якобсон почти всегда начинает с изложения взглядов своих предшественников. Акт семиозиса, например, он рассматривает, вслед за Пирсом, как состоящий в том, что некая материальная сущность становится способной представлять нечто за пределами этой сущности. Черная кошка, перебегающая дорогу, представляет не ее саму, а опасность или неприятности. Точно так же звуковая последовательность *arbor* в системе латинского языка существенна не как определенным образом организованное следование звуков, но как возбуждающая представление о дереве.

Материальность, субстанциональный характер знака, наличие у него собственного "тела" — это такое же неотъемлемое свойство знака, как передаваемое им содержание, и этой стороне знака надо уделять не меньшее внимание, чем его значению. Якобсон любил в этой связи цитировать тезис Пирса о том, что *signans* — воспринимаемо, осязаемо, тогда как *signatum* — схватываемо разумом, постижимо, интерпретируемо (*intelligible*) или, как часто разъяснял это Якобсон, — переводимо (*translatable*) [14, с. 268, 274—275, 345, 565]. Именно это определение знака и подвергается в работах Якобсона всестороннему исследованию, т.е. приводит его к формулировке важнейших постулатов знаковой теории.

Так, если знак материален, коды или семиотические системы, построенные с участием разных по своей субстанции знаков, воспринимаются по-разному и нетождественны по своему положению в жизни общества: знак воспринимаем, но зрительный знак воспринимается не так, как слуховой, аудитивный, а слуховой — не так, как тактильный и т.п. Абстрактная живопись нередко вызывает раздражение, ибо мы привыкли видеть за зрительными сигналами нечто реальное; напротив, слыша музыку, мы не ждем, что она как-то соотносена с реальностью [14, с. 335 и сл.]. Для визуальных знаков огромную роль играет категория пространства, для аудитивных — категория времени [14, с. 338]. Тела знаков тесно связаны с функциями, которые они могут выполнять, а потому далеко не безразлично, с какой модальностью связано знаковое средство и то, как оно репрезентирует нашему уму содержание знака. Все пять чувств несут в современном обществе свою собственную семиотическую функцию, и все связанные с ними знаки могут классифицироваться прежде всего по той субстанции, которая оказывается знаконосителем, — и рев сирены, и витрины магазинов, и улыбка на лице человека выступают для нас как репрезентирующие конкретные смыслы, и можно выявить предрасположенность знаков определенной модальности к передаче известного, конвенционального содержания.

Устная и письменная речь, демонстрирующие использование разных по своему типу знаков, обладают специфическими особенностями своей организации уже потому, что для графических знаков в принципе существует возможность использовать их зрительные и пространственные характеристики (двухмерность плоскости становится важным ориентиром в понимании текста, точно так же зрительная закреплённость текста позволяет при необходимости возвращаться к любому месту текста, а шрифтовая разбивка иконически свидетельствует об иерархическом подчинении одной части текста другой и т.п.).

Уже на пути простейшей классификации знаков по той субстанции, которая оказывается знаконосителем, возможно подойти к пониманию особенностей языковых знаков, да и различить разные типы таких знаков, но в классификации знаков надо использовать и другие параметры: так, например, все языковые знаки интенциональны, т.е. специально предназначены для передачи значения. В то же время следы на песке отнюдь не

оставлены для того, чтобы кого-то опознать, а температура у человека поднимается не с целью свидетельствовать о его болезни.

Особое отношение Jakobsona к телесности знака делает его первым лингвистом, который, в отличие от Соссюра, считавшего знак психической сущностью, объединяющей акустический образ знака (обычно — слова) с понятием, полагал, что знак сочетает не две ментальных сущности, а материальную с идеальной. Устройство знака он объясняет не его соотносением с неким объектом вне знака или же его референтом, как это обычно делается, но его внутренней организацией, внутренним строением. Классификацию знаков, которую в семиотической теории интерпретируют чаще всего как построенную на учете соотношения разных типов знаков с объектами вне знака [15], Jakobson неизменно характеризует как зависимую исключительно от того, как тело знака определенной природы репрезентирует свое содержание, т.е. от того, как соотносятся между собой *signans* и *signatum* знака. Комментируя Пирса, он выделяет вслед за ним три типа знаков, указывая, что "действие иконического знака основано на фактическом подобии означающего и означаемого", а действие индекса — "на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого", тогда как действие символа основано на "установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого" [1, с. 104].

Подобно тому, как Соссюра мы можем считать первым в области семиотической трактовки собственно языковых знаков, Jakobsona мы можем по праву считать первым ученым, который, разъяснив суть классификации знаков у Пирса, продемонстрировал наличие в языковой системе не только идеальных знаков-символов, но и обязательное присутствие в ней индексальных знаков, которые он специально описал под именем шифтеров, а также иконических знаков и явлений так называемого диаграмматического иконизма. Сложность языковой системы предстала тогда перед нами не только как манифестируемая особой организацией знаков разного типа, но и как проявляющаяся в ее гетерогенности, наличии в разных ее участках индексов, иконических знаков и символов. Как прекрасно сформулировал позднее Ю.С. Степанов, в классификации семиотик и, по всей видимости, самих знаков "необходимо учитывать различные ступени знаковости" [16, с. 82].

Классификацией Пирса-Jakobsona наносится сильный удар по тезису Соссюра о немотивированности и произвольности знака и существенно пополняется тезис о линейности знаков.

Так, указывая на важность взаимодействия знаков при функционировании языка и на то, что, действительно, как подчеркнул Соссюр, язык характеризуется двумя типами связывания знаков, позднее названными синтагматическим и парадигматическим связыванием, Jakobson отмечает, что М. Крушевский не только тоже выделял два названных типа отношения, но и дал им более приемлемое, на его взгляд, объяснение и имя — он противопоставлял ассоциации знаков по смежности и по сходству. Такое точно связывание Jakobson усматривает и в строении знаков, отмечая, что языковые знаки, т.е. символы, организованы по принципу смежности (*contiguity*), ибо две стороны знака предполагают друг друга [14, с. 273]. Продолжая эту мысль, можно было бы сказать, что иконический знак использует вторую из указанных возможностей, ибо здесь означаемое и означающее знака объединены в силу их сходства. Более того, в отличие от Соссюра и Крушевского Jakobson отмечает, что и отношения смежности, контакта знаков в линейной цепи должны быть уточнены. "*Es ist Statteinander zum Unterschied vom Miteinander und vom Nacheinander*" [14, 274], — пишет Р. Jakobson, фактически предлагая различать в сочетаемости знаков либо линейную, синтагматическую, последовательную аранжировку знаков — цепочку (*Kette*), либо симультанный

пучок признаков, одновременное соединение и даже "наложение" знаков (Bündel). Именно по последнему образцу устроен и знак, изоморфный в этом отношении музыкальному аккорду, одновременному сплаву и слиянию, — здесь единству означаемого и означающего.

Таким образом, параллельно бодуэновскому противопоставлению *Nebeinander* и *Nacheinander*, параллельно сосюрровскому противопоставлению (дихотомии) знаков *in praesentia* знакам *in absentia*, наконец, параллельно глоссематическому противоположению конъюнкции "и — и" и дизъюнкции "или — или" надо признать важным и якобсоновскую оппозицию двух типов комбинаторики знаков — линейной сочетаемости и симультанной совместимости. В устройстве знака можно видеть тогда именно этот последний признак: смежность и ассоциацию означаемого и означающего.

Рассмотрев последствия постулата о том, что знак воспринимаем, обратимся теперь к постулату о том, что знак объясним, осмыслен, т.е. перейдем к анализу второй стороны знака — его означаемого. Думается, что с современной точки зрения вопрос о значении знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под "крышу" знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире. Ведь в самом общем виде значение знака может быть, по всей видимости, определено как "концепт, связанный знаком" [17, с. 70; 18, с. 106]. "Семантика, — пишет Р. Якобсон, — это ядро лингвистики и вообще любой теории знака" [19, с. 134], и, что самое важное, "значение может и должно определяться в терминах чисто лингвистических разграничений и отождествлений" [20, с. 236]. Подобная установка фактически отличает Якобсона не только от "реистов", которые уверены в возможности выявить значение знака объективным путем, через указание на обозначенный объект, но и от "формалистов", стремящихся определить значение знака через его формальное положение в семиотической системе. Резкой критике подвергаются Якобсоном и те и другие. Нельзя, например, не признать убедительности доводов ученого, когда он описывает реальные трудности чисто остенсивного определения значения в ситуации указания индейцу на пакет сигарет "Честерфилд" [14, с. 565]. Феномен неопределенности остенсивных указаний мы описали и в становлении детской речи [21, с. 177 и сл.]. Если ребенку демонстрируют люстру с горящими лампочками и повторяют при этом "огонек", как может узнать ребенок, что именно имеют при этом в виду — всю люстру в целом, отдельные лампочки, свет от них или еще что-либо? Вместе с тем скептическая оценка возможности остенсивного определения, идущая еще от Л. Витгенштейна, оправдана лишь для единичных актов референции. В условиях же повторного опыта, постоянного уточнения при соотнесении обозначаемого и его имени, в практической деятельности с объектом и т.п. остенсивные указания обладают, конечно, огромной важностью и помогают, путем исключения одних смыслов и подчеркивания других, выявить значение имени с достаточной степенью определенности [18, с. 104]. Акцент Якобсона на необходимость дать значению лингвистическое истолкование касается прежде всего поэтому не столько отрицания самого референтного аспекта значения, сколько невозможности ограничиться одним этим аспектом.

Семантическая концепция Якобсона привлекает своей ясностью, четкостью постановки проблемы и весьма перспективными направлениями поиска ответа на поставленные вопросы. Чтобы понять знак, нужно его интерпретировать. Интерпретация знака — это операция, достигаемая при замене исходного знака другим знаком или — более обычно — набором знаков. Значение любого знака, в частности слова, неопределимо без обращения к вербальному коду. К тому же никакие отсылки к объектам не могут объяснить феномен значения, хотя, быть может, и могут помочь, как мы

видели выше, установить отдельное значение имени. Кардинальное свойство знака — передавать значение — Якобсон сводит к понятию интерпретируемости или же переводимости знака, т.е. к возможности представить его содержание другими, более эксплицитными, развернутыми знаками. Хотя сам Якобсон ссылается при этом на Пирса, у которого уже сформулировано семиотическое определение значения символа как его "перевода в другие символы" [20, с. 236], аналогичные мысли высказывались и другими семиотиками. Так, К. Бриттон уже указывал на то, что значение знака Х складывается из всех тех знаков того же языка, которые взаимозаменяемы с Х по правилу, причем последнее замечание вводится в аналитическое определение значения знака, ибо в языке существуют слова, у которых нет референта, но которые, подобно словам *нет*, *некий* или *немного*, могут быть заменены другими знаками [2, с. 63—64].

Для определения значения знака ему следует поставить в соответствие эквивалентное ему выражение, а это достижимо тремя разными способами: 1) используя другой знак того же кода, т.е. синоним, 2) используя другие знаки того же кода, т.е. парафразу или же 3) используя знаки другого семиотического кода, т.е. прибегая к переводу. Таким образом, способом установить значение знака является обнаружение для него равнозначных преобразований: операции такого рода именуются Якобсоном "метаязыковыми" (ср. также [14, с. 260]; вслед за Якобсоном их именуют также операциями "знак за знак" [22, с. 15]). Центральной проблемой семантики становится тогда установление семантической эквивалентности двух языковых выражений, обнаружение их равнозначности, лингвистического тождества и нетождества. При таком ракурсе рассмотрения в новом свете предстают отчасти исследования Ю.Д. Апресяна о лексической синонимии [23], работы о грамматической синонимии (из последних работ этого направления см., например [24]) и, конечно же, семиотическая грамматика Ю.С. Степанова [25]. Все исследования этого рода можно считать вкладом в решение проблемы исчисления интерпретационных возможностей знака, в связи с чем обращает на себя внимание и интерпретация того же вопроса в словообразовании, при изучении номинализаций и установлении семантических сходств и различий у разноструктурных обозначений одного и того же объекта (см. подробнее [26]).

Как отмечает Ю.С. Степанов, путь к решению проблемы семантической эквивалентности лежит в разделении планов выражения и содержания, а далее — в разделении плана содержания на денотативную, или экстенциональную, сферу и понятийную, сигнификативную, или интенциональную. С помощью такого разделения можно прийти к разрешению вопроса об эквивалентности нескольких предложений, которая оказывается в одних случаях эквивалентностью по денотату — это то, что устанавливается посредством парафраз, а в других — эквивалентностью по сигнификату — это устанавливается посредством трансформаций [25, с. 136]. Таким образом, специализированные или же формализованные операции "знак за знак" позволяют обнаружить разные аспекты значения, а полисемия может трактоваться как способность знака быть интерпретированным несколькими аналитическими дескрипциями, не сводимыми друг к другу. Интересно также вспомнить о мысли Якобсона, которая заключается в том, что чем более развернут знак, чем более эксплицитным он является, т.е. чем объемнее его дефиниция, тем большую роль играет он в коммуникации в том отношении, что снимает многозначность знака (ср. [27, с. 313]). Возможно предположить в связи с этим, что протяженность знака отражает иконически его семантическую сложность (ср. одинаковые по денотату, но разные по способу представления их значения разноструктурные номинации типа

швейник в отличие от *работник швейной промышленности, трубочист* или *тот, кто чистит дымовые проходы, трубы* и т.д.).

Важной частью семантической концепции Якобсона является также использование им понятия знаковой интерпретанты. Заимствованное у Ч.С. Пирса, оно приравнивается в более ранних работах Якобсона к понятию значения. Так, в 1952 г. он подчеркивает, что по Пирсу, чтобы понять знак, нужна интерпретанта — то, как может быть объяснен знак или как он может быть переведен; в интерпретанте — ключ к решению семантических проблем, "база для изучения значения" [14, с. 565]. Продолжая эту линию отождествления интерпретанты знака с его значением, он указывает, что интерпретанты у знака две — одна связывает его с кодом, а другая — с контекстом его использования [14, с. 244]. Но если интерпретантами знака могут называться все языковые конструкции, отвечающие правилам семантической эквивалентности как в системе языка, так и в дискурсе, если вообще один знак может быть объяснен другими цепочками знаков, разными по своему характеру, — дефинициями, аналитическими дескрипциями, парафразами, трансформациями и т.д., — тогда в теории можно вполне закономерно поставить вопрос о том, нельзя ли разграничить понятие языкового значения, с одной стороны, и понятие интерпретанты, с другой.

Комментаторы Ч.С. Пирса не раз отмечали, что у него самого понятие интерпретанты носит весьма неясный характер [28, с. 597], но все-таки при ссылках на Ч.С. Пирса в виду имеется эффект, производимый знаком. "Обобщенное учтивание", о котором говорит Ч. Моррис в связи с объяснением понятия интерпретанты, тоже, при всей своей неопределенности, относится прежде всего к воздействию знака на его интерпретатора. Представители естественной морфологии, предлагающие использовать это понятие для более адекватной характеристики акта семиозиса, объясняют интерпретанту знака как то в его содержании, что указывает скорее на способ представления значения в знаке. Интерпретанта знака — это то, в каком отношении произведено обозначение объекта данным знаком [22, с. 15], — указывает В. Дресслер, цитируя К. Бюлера. Впрочем, тут же им приводятся и другие определения интерпретанты, делающие данное понятие достаточно расплывчатым. Думается в то же время, что заслуга Р. Якобсона, обратившего внимание на необходимость вернуться к понятию интерпретанты у семиотиков прошлого, — заслуга исключительная и что с помощью этого понятия можно продолжить выделение в знаке не только денотативного, сигнификативного и коннотативного аспектов его значения, вычленив в составе коннотаций знаков разные начала, как это делает В.Н. Телия [29]. Можно, однако, пойти и по другому пути, противопоставляя когнитивно-фактуальную информацию, передаваемую знаком, прагматике знака. Можно, наконец, предложить достаточно расчлененную серию интерпретант — так, чтобы с их помощью раскрывались разные стороны значения знака — когнитивно-информационное, концептуальное, прагматическое, эмоциональное и экспрессивное и т.д.

Возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте свое строение и свое внутреннее устройство — в зависимости от того, как они соотносят свое означаемое со своим означающим. Их дальнейшее функционирование тесно связано с тем, какому модусу этого соотношения они следуют — иконическому, индексальному или же символическому. Как подчеркивает В.А. Виноградов, знаки ведут себя по-разному в языке и в речи, что можно интерпретировать прежде всего как их способность к разным организациям и объединениям в системе и тексте. По всей видимости, можно полагать, — указывает В.А. Виноградов, — что вообще система языка (код) и дискурс (текст) имеют разные семиологические характеристики: система ориентиро-

вана на символизацию, текст — на иконичность, и это различие является одним из факторов языковой динамики [30, с. 2433]. Продолжая эту интересную линию анализа, можно было бы сказать, что ориентация на разные типы знаков имеет свои глубокие основания: так, иконичность знаков легче всего проявится в тексте из-за его пространственного расположения, прежде всего линейной протяженности текста. Напротив, индексальности могут способствовать такие свойства устной речи, как возможность менять ее ритм, звучность, тембр и т.п. Произвольность же знаков в идеальном случае подходит для символизации еще и потому, что это обеспечивает отсутствие ограничений на множество создаваемых знаков, обладающих этим качеством. Слова с условным соотношением их формы и содержания идеальны для номинации; предложения, организованные "в одну сторону", своим способом такого развертывания легко делают схему предложения иконическим образом ситуации. Реализация предложений в определенном порядке открывает возможности диаграмматического иконизма, тогда как в строении самой системы иконизм может проявиться только там, где отдельные участки этой системы должны быть иерархизированы. Для сферы номинации может быть, конечно, использована и индексация — существуют целые терминологические системы, где индексальные знаки выполняют особую роль, и т.д.

Если число подлинно иконических знаков связано чисто онтологически реальным сходством объектов или сходством расположения их частей, если число индексальных знаков тоже ограничено объективной экзистенциальной смежностью объектов или же связанностью объектов в определенной структуре деятельности, то произвольность символов ничем и не ограничена. Однако самые большие и интересные последствия имеет возможность создания знаков смешанного типа — производных и сложных слов, где иконичность пронизывает все устройства знака в целом, а символизация относится лишь к внутренней организации его частей. Если по аналогии с синтаксисом словосочетаний и предложений ученые уже давно говорили о внутреннем синтаксисе производных и сложных слов, сегодня можно было бы дать этому факту и семиотическую интерпретацию, а также начать серию исследований о глубоком изоморфизме слова и предложения в чисто конструктивном смысле: композиционная сложность предложения и композиционная сложность развернутых морфологических структур в дериватах разных типов могут получить свое объяснение только с единых позиций. В комбинаторике же знаков разного типа могут быть обнаружены разные закономерности. Таким образом, путь, открытый Якобсоном, еще надо пройти до конца: ориентированный на глубокое понимание того, что знаки разной модальности и разного типа выполняют в обществе разные семиотические функции и что в языке это различие имеет свои собственные рефлексy, путь исследования предполагает и более глубокое изучение самого акта семиозиса в разных его ипостасях. Освоение наследия Якобсона может быть конструктивным шагом в этом направлении.

Хочется в заключение вернуться еще к одному моменту творчества Р. Якобсона — его любви к предшественникам, к традициям прошлого. Обладая острым критическим умом и зачастую опровергая многие устоявшиеся мнения, он вместе с тем учил нас бережному отношению к тем крупнякам мудрости, которые находил у тех, кто предшествовал ему. Именно эти уроки Якобсона и не следует забывать.

В "Основаниях теории знаков" Ч. Моррис отмечает, что, согласно учению стоиков, процесс семиозиса описывался как включающий три или же четыре фактора: то, что выступает в качестве законодателя (тела знака); то, на что указывает знак, или то, к чему он отсылает; воздействие знака и, наконец, его интерпретатора [10, с. 39]. Знак только

потому знак, что он интерпретируется как знак неким интерпретатором, т.е. имеет некую интерпретанту. Более того. Понять то, к какой интерпретанте готовит интерпретатора знак, можно только путем обращения к другим знакам. Знаки живут в системе, данной интерпретаторам, и не случайно одно из определений знака гласит, что знак существует исключительно как единица определенной семиотической системы. Но систему эту создали люди: без человека нет знака. Вот почему, принимая многие замечательные идеи Р. Якобсона об устройстве знака и особенностях его функционирования, в адекватной концепции знака к его определению должны быть подключены сведения и об интерпретаторе, и о воздействии знака. Как подчеркнул Ю.С. Степанов, в развитых знаковых системах знак имеет особенно сложное устройство, так как со знаком контактируют, по крайней мере, еще две материальные системы, которые, к тому же, контактируют и между собой. Знак — это посредник между человеческим мозгом и миром, а системы знаков объединяют их в еще более высокую целостность. Отсюда и все более сложные модели знаков, с упоминания которых мы начали настоящую статью.

Возвращаясь сегодня к определению знака, используя и эти модели (ср. [22, с. 15]), мы можем сказать, что знак — это нечто воспринимаемое, образующее тело знака и представляющее в языковом коллективе как сообществе интерпретаторов некое содержание, которое заменяет означаемое или обозначаемое в языковых и метаязыковых операциях в каком-то отношении (интерпретанта₁) и для достижения определенного эффекта (интерпретанта₂). В таком определении кажется существенным упоминание интерпретатора и интерпретанты, которая — если использовать не только мысли Р. Якобсона, но и К. Бюлера, К. Бриттона, многих других выдающихся семиотиков, — представляет собой тот (новый) знак или знаки, которые рождаются в голове человека на базе исходного знака или оказываются с ним связанными, т.е. которые включают знак в цепочку знаков. Знака нет, с одной стороны, если нет системы знаков [16, с. 81]. Знака нет, с другой стороны, если нет его интерпретатора, который интерпретирует знак с помощью семиотического кода, используя определенную интерпретанту знака или создавая на основе кода новую. Развитие теории знака можно ожидать поэтому с разных сторон, но не вызывает сомнения, что многие новые пути развития такой теории были заложены Р. Якобсоном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.
2. Spang-Hanssen H. Recent theories on the nature of the language sign. Copenhagen, 1954.
3. Petöfi J.S. Some aspects of the construction of text meaning from the point of view of reception // Vorabdruck der Plenarvorträge. XIV. Intern. Linguistenkongress. B., 1987.
4. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
5. Гадамер Г.Г. Философские основания XX века // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
6. New vistas in grammar: Invariance and variation / Ed. by Waugh L.R., Rudy St. Amsterdam, 1991.
7. Иванов Вяч.Вс. Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
8. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
9. Якобсон Р. Звук и значение // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
10. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1963.
11. Solncev V.M. Sign and meaning // Proc. of the Twelfth Intern. Congr. of linguists / Ed. by Dressler W.U., Meid W. Innsbruck, 1978.
12. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

13. Lyons J. Basic problems of semantics // Proc. of the Twelfth Intern. Congr. of linguists. Innsbruck, 1978.
14. Jakobson R. Selected writings. V. II: Word and language. The Hague; Paris, 1971.
15. Беймс Е. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М., 1984.
16. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
17. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
18. Никитин М.В. Комментарий // Палмер Ф. Семантика. М., 1982.
19. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
20. Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
21. Кубрякова Е.С. Роль номинации в онтогенезе семантического компонента речевой деятельности и проблемы соотношения значения и обозначения на ранних стадиях развития речи // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
22. Dressler W. Introduction // Dressler W., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W. Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam, 1987.
23. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
24. Скредина Л.М. Грамматическая синонимия. Л., 1987.
25. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1987.
26. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
27. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
28. Степанов Ю.С., Булыгина Т.В. Комментарии // Семиотика. М., 1983.
29. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
30. Выиноградов В.А. Иерархия категорий в грамматической типологии // Proc. of the Fourteenth Intern. Congr. of linguists. B., 1991.